

7. Резанова З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии в условиях чат-коммуникации / З. И. Резанова – Режим доступа: <http://vestnik.tsu.ru/language/archive/6-2008-1.html>
8. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты) : автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русский язык» / Т. А. Сидорова. – Нижний Новгород, 2007. – 52 с.
9. Черниш Т. О. Внутрішня форма мовних одиниць і проблема мовного образу світу / Т. О. Черниш. // О.О. Потебня й актуальні питання мови та культури: зб. наук. праць. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 83–88.
10. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – М. : КомКнига, 2006. – 216 с.

УДК 811. 161. 2'373

МОДАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПАРЕМИЙНОГО ИМПЕРАТИВА

Приймачок О.И., к. филол. н., доцент

Волинський національний університет імені Лесі Українки

В статье описаны основные пути и способы реализации модального потенциала русских паремий, имеющих первичную императивную модальность. Установлено соотношение между семантическим объёмом пословицы и возможностью модификации её модального значения. На конкретных примерах продемонстрированы различные направления транспозиции пословичного императива.

Ключевые слова: модальная транспозиция, паремия, императив.

Приймачок О.І. МОДАЛЬНА СЕМАНТИКА ПАРЕМІЙНОГО ІМПЕРАТИВА / Волинський національний університет імені Лесі Українки, Україна

У статті описано основні шляхи і способи реалізації модального потенціалу російських паремій, що мають первинну імперативну модальність. Встановлено співвідношення між семантичним обсягом прислів'я та можливістю модифікації його модального значення. На конкретних прикладах продемонстровано різні напрямки транспозиції паремійного імператива.

Ключові слова: модальна транспозиція, паремія, імператив.

Prymachok O.I. MODAL SEMANTIC OF PAREMICAL IMPERATIVE / Volyn national university of the name Lesi Ukrainki, Ukraine

The ways and means of modal transpositions of Russian paremies which have the primary imperative modality are described in this article. Then is founded correlation between the semantic structure of the proverb and the possible modification of its modal meaning. Paremical Imperative is transformed into the zone of the indicative, debitive and optative.

Key words: modal transpositions, paremy, Imperative.

Грамматика последних десятилетий неуклонно движется по пути расширения своего пространства. Несмотря на бесконечные дискуссии о её границах, она уже давно вышла сначала за пределы словоформы, затем парадигмы, потом минимального контекста, потом предложения. А в последние годы актуальным стало изучение взаимодействия грамматической единицы со средой, которая понимается в свете теории речевых актов не только как расширенный контекст, но и как намерения говорящего, как проблема языковой памяти и интуиции, языковой игры и эксперимента. Взаимодействие языковой системы со средой в грамматике проявляется и в особых формах контакта грамматической единицы, её общих и частных значений, с контекстом. В процессе развития языка усиливается асимметрия знака и значения, обогащающая его новыми смыслами и новыми коннотациями. Одна грамматическая форма может употребляться в нетождественных значениях. Это явление называется транспозицией; именно благодаря ей расширяются номинативные и экспрессивные возможности грамматики. Но несмотря на то, что все классики славянского языкознания (А. Шахматов, А. Пешковский, А. Потебня, В. Виноградов) в своих трудах уделяли особое внимание стилистике грамматических форм, их выразительные возможности исследованы ещё не в полной мере.

Сам термин «транспозиция» вызывает определённые затруднения именно потому, что он широко употребителен и в его интерпретации нет единообразия. В широком смысле транспозиция – любой

перенос, в основе которого лежит семантическое или функциональное сопоставление единиц. Транспозиция, играя важнейшую роль в устройстве и функционировании языка, метафоризирует его. «В напряжении между формой и содержанием заключено творческое начало – рождение новых смыслов» [3, с. 124]. Поэтому основная цель данной работы – раскрыть механизм появления вторичных модальных значений народных афоризмов с первичной императивной модальностью, указав основные направления модальной транспозиции, и определить факторы, которые делают этот процесс возможным.

В изучении транспозиции форм глагольного наклонения существует уже определённая традиция, особенно это касается повелительного наклонения, или императива [5]. Самым противоречивым моментом отдельных концепций является постоянное смешивание форм и функций, неразличение наклонения как морфологической категории и модальности как функционально-семантической категории. Соглашаясь с тем, что глагольное наклонение действительно выступает основным морфологическим средством воплощения категории модальности, нельзя, однако, согласиться с отождествлением понятий «транспозиция наклонения» и «транспозиция модальности». Как известно, модальность является обязательным конститутивным признаком любого высказывания, а оно может быть и безглагольным. Существует огромное множество номинативных, генитивных, эллиптических, ситуативно неполных высказываний с выразительными модальными значениями реальности, оптатива, императива и т.п. Кстати, и сам термин «императив» употребляется в двух значениях: общем и частном, что вынуждает различать императив как общую модальность предложения-высказывания и императив как один из способов выражения такой модальности.

Современный этап функционально-грамматических поисков характеризуется мощным развитием нескольких направлений. Данное исследование ориентировано на одно из них, представленное работами А. Бондарко, Г. Золотовой и др. Здесь одной из центральных становится проблема функционального потенциала языковых единиц и его реализация в высказывании. Поскольку категория модальности – один из обязательных признаков любого высказывания, афористического в том числе, то исследование модального потенциала паремии в её действительных и возможных актуализациях было бы интересным и для решения проблемы природы модальной транспозиции, и для методики определения общей модальной направленности текста, и для осмысления семантического объёма самой паремии. Известно, что пословицы и поговорки имеют как минимум две ипостаси. С одной стороны, их можно анализировать как малый фольклорный жанр, который (подобно сказкам или легендам) характеризуется ситуативностью, имеет тему и три чётко выраженных плана: план лингвистической структуры, план семиотической структуры и план реалий. С другой стороны, паремия – это фразеологическая единица коммуникативного типа, которая, как и другие языковые единицы, включена в систему синтагматико-парадигматических отношений в языке. Иначе говоря, любая паремия может рассматриваться как ситуативно неактуализированное (универсальное) высказывание и как актуализированное в какой-то определённой ситуации. Именно этот факт даёт возможность делать выводы относительно причин и условий возникновения у паремии вторичных (транспозитивных) модальных значений.

В самом общем виде паремия констатирует определённую ситуацию или отдельные поведенческие стереотипы, даёт им оценку, предлагает какую-то стратегию: *В гостях хорошо, а дома лучше; Близок локоть, да не укусишь; В тихом омуте черти водятся; Правда глаза колет*. Такая констатация может сопровождаться дополнительными модальными оттенками возможности / невозможности (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Дыма без огня не бывает*), необходимости (*С волками жить – по-волчьи вить, Ремесло за плечами не носить*), неизбежности (*Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Сколько ниточке ни виться, а конец будет*), желательности (*Рада бы душа в рай, да грехи не пускают; Вашими бы устами мед пить*), условности (*Лес рубят – щепки летят; Тише едешь – дальше будешь*). Значит, наиболее приспособленной паремийной конструкцией для квалификации определённой ситуации и одновременной её оценки является повествовательное предложение с реальной объективной модальностью.

И наоборот, пословицы, имеющие характер предписания, совета или предостережения, (*Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Куй железо, пока горячо; Береги платье снову, а честь смолоду; На чужой каравай рот не разевай; Не плюй в колодец, пригодится воды напиться; Хлеб-соль ешь, а правду режь*) чаще всего воплощены в побудительном предложении с императивной модальностью.

В целом любой народный афоризм прежде всего информативен, причём информацию несёт даже не его словесный текст, а выбор данной паремии и её использование в данной внеязыковой ситуации. Это значит, например, что в паремийном фонде нет сугубо апеллятивных (к которым, кстати, принадлежат императивные) высказываний: прежде всего информативной будет и та пословица, которая грамматически организована когнитивными глагольными наклонениями (индикативом и конъюнктивом), и та, которая организована волюнтаривными наклонениями (императивом и оптативом). Это в свою очередь накладывает определённый отпечаток на функционирование этих наклонений в паремиях, а именно: в волюнтаривной по своей языковой природе пословице на первый план выходит сема смысловая, информативная, а первичная сема волеизъявления (собственно модальная)

воспринимается как дополнительная. А в индикативном по форме афоризме на первый план может выйти именно модальное отношение к обозначаемой ситуации (её возможность или невозможность, необходимость, неизбежность, желательность и т.п.). Это происходит как раз благодаря тому, что, по мнению паремистов, каждая пословица в идеале одновременно выполняет все свои главные функции, которые схематически выглядят так: утверждение, оценка, предписание.

Модальный потенциал паремии (т.е. возможность трансформации её первичного модального значения) тем шире, чем шире круг внеязыковых ситуаций, на которые тот или иной народный афоризм может быть ориентирован. Понятно, что таких ситуаций значительно больше у тех паремий, которые А. Потехин называл «образными», в отличие от «безобразных» [4, с. 98], т.е. у таких, которые употребляются в прямом и в переносном смысле (*Как аукнется, так и откликнется; Что посеешь, то и пожнёшь; В тихом омуте черти водятся; Знает кошка, чьё мясо съела; Чем дальше в лес, тем больше дров*) или только в переносном (*Семь пятниц на неделе; Яйца курицу не учат; Горбатого могила исправит; Правда в огне не горит и в воде не тонет*).

Образность помогает пословице при наименьших затратах словесного материала дать наибольшую концентрацию мысли, а контекст модифицирует не только семантику паремии, но и её первичное модальное значение. Индикативная по своей природе паремия может приобретать императивную модальность, сравним, например, два случая употребления одной и той же пословицы:

1) – *Смел очень!* – крикнул он, когда Серёжа приблизился. – *Помни: не всегда смелость города берёт, особенно на службе. Можно и головы не сносить* (Станюкович); 2) – *Здесь вот девушка не решается выступить...* – Все оглянулись. Оксана испуганно уткнула лицо в ладони... – *Смелость города берёт, – шептал над ухом сосед* (Поповкин). Волонтеративная модальность появилась у паремии только во втором контексте.

Обобщённость и полисемантность народных афоризмов становятся, как видим, тем базисом, на котором происходит модальная транспозиция как из зоны неволонтератива в зону волонтератива, так и в обратном направлении, о чём свидетельствуют многочисленные примеры.

Сравним модальные значения известной славянской пословицы *Век живи – век учишь*: 1) *Когда воротилась Дуня и увидела шкапы со множеством книг, весело кивнула отцу милостивой головкой, тогда он, указав ей на них, сказал: – Читай, Дунюшка, на досуге, тут есть чего почитать. Хоть ты теперь у меня и обученная, а всё-таки храни старую нашу пословицу «Век живи – век учишь»* (Мельников-Печерский); 2) *Прежде всего я оглядел сапоги Павловского. По виду – сверху – советские, офицерские, они имели подошвы немецких армейских сапог, подбитых гвоздями, каблуки были охвачены металлическими подковками. Такого гибрида за три года войны я ещё не встречал – век живи, век учишь* (Богомолов).

Если в первом контексте пословица употребляется в своём прямом значении и сохраняет первичную модальность доброго совета или указания, то второй контекст иллюстрирует, как волонтеративная по своей языковой природе паремия приобретает характер иронического замечания касательно существования чего-то до сих пор невиданного или неслыханного. Первичная императивная модальность, обозначенная глаголами-предикатами в форме повелительного наклонения, абсолютно утрачена, поскольку на первый план выходит оценка определённой ситуации. Можно привести немало аналогичных контекстов, которые нивелируют первичную модальность императива:

Не связывая ещё слов, он [Кюхельбекер] ... лез в поэты. Не спросясь броду, не суйся в воду (Тынянов);

Фамилии своей она нам не сказала. Марья Петровна – вот и всё. А Омск – город большой, ищи ветра в поле! (Чехов);

Наш общий друг, военный моряк Лёша Шириков, мог бы служить живым доказательством справедливости поговорки: «Не родись красивым, а родись счастливым». Действительно, красавцем Лёша никогда не был... Ему везло от рождения, и везло во всём, за что бы он ни брался (Лавренёв);

– *Ну, мать, я свою молодую жену забираю с собой. Она там на всю артель готовить будет. – Что ж, – отвечаю, – если совет да любовь, так в добрый час. Ты, я вижу, нигде не пропадёшь* (Рыленков);

– *Положим он [Ечкин] сейчас ничего не имеет, и бриллианты поддельные, но я отдал бы ему всё, что имею. Стабровский тоже хорош, только это уж другое: тех же щей, да пожирнее влей. Они там, в Сибири, большие дела обдывали* (Мамин-Сибиряк).

Индикативно-оценочная семантика доминирует в волонтеративных по своей лингвистической сущности пословицах, когда они употребляются для обозначения разнообразных жизненных ситуаций, человеческих характеров, поведенческих стереотипов. Скажем, паремия *Любишь кататься – люби и саночки возить* вполне может намекать на чью-то безответственность, а *Мели, Емеля, твоя неделя* характеризует человека болтливую, не умеющего держать язык за зубами или хранить чужие тайны. В

случае если кто-то переусердствовал, забыл о чувстве меры или слишком прямолинейно выполнил задание, то говорят *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт*. О чём-то несбыточном или недостижимом, о ком-то пропавшем или потерявшемся говорит поговорка *Ищи ветра в поле*. Народный афоризм *Не рой яму другому, сам в неё попадёшь* говорит об обязательной расплате за подлость и предостерегает от поступков, за которые потом бывает стыдно. О выпавших на долю человека неприятностях, о внезапно свалившемся горе сказано: *Пришла беда, отворяй ворота*; а философское отношение к жизни, понимание временного характера всех неудач, за которыми обязательно последует светлая полоса, говорит пословица *Терпи, казак, атаманом будешь*. Попытка смоделировать ситуацию, которая может быть обозначена определённой единицей из русского паремийного фонда, конечно, не претендует на исчерпывающую характеристику семантического объёма паремии (это вообще вряд ли возможно). Однако такой эксперимент наглядно показывает, что императивные по форме единицы (они действительно все содержат член императивной парадигмы) служат знаками определённых реальных или идеальных ситуаций, а это значит, что указанные паремии приобретают явные признаки неволевого модальности.

Индикативная модальность может усложняться дебитивной семантикой, если пословица в контексте особенно актуализирует сему “надо (не надо)”, “нужно (не нужно)”, “должен (не должен)” и т.п.: 1) [Фёкла:] *Неужто ты сам свадьбу хочешь заправить?* [Кочкарёв:] *Сам, сам, ты уж не мешайся только.* [Фёкла:] *Ах, бесстыдник какой! Да ведь это не мужское дело...* [Кочкарёв:] *Пойди, пойди. Не смыслить ничего, не мешайся! Знай сверчок свой шесток, убирайся отсюда!* (Гоголь); 2) *Исправник добродушно промолвил: – Эх, Василий Васильевич, не нам бы с вами о таких людях рассуждать, – где нам? Знай сверчок свой шесток. – Да помилуйте, – возразил я с досадой, – какая же разница между мною и господином Орбасановым?* (Тургенев). Если первый контекст поддерживает императивную семантику паремии, то во втором более выразительной становится дебитивная (долженствительная) модальность: *знай = должен знать*.

Такой процесс смещения первичного императива в дебитивную плоскость вполне естествен, ведь вне контекста паремия лишена конкретного адресата, да и адресантом может быть каждый, т.е. эталонная императивная ситуация отсутствует. Например: *За правое дело стой смело* (= надо стоять); *Не дели шкуру неубитого медведя* (= не нужно делить); *Готовь сани летом, а телегу зимой* (= нужно готовить).

Наконец, императивная по грамматическому оформлению пословица может приобретать семантику оптатива, ведь императив и оптатив являются двумя разными проявлениями волеизъявления. Если императив означает адресованное кому-то волеизъявление насчёт определённых действий, то оптатив означает эмоционально-волевое проявление потребности говорящего в осуществлении чего-либо. Самым распространённым средством выражения значения желательности в русском паремийном фонде стало инфинитивное предложение с частицей *бы* (*б*) или предложение с глаголом в сослагательном наклонении. Однако существует немало особых конструкций, специализированных на выражении пожеланий; у них нет традиционных показателей оптатива, вместо этого употребляются магические обороты *дай Бог, не дай Бог, дай Боже, не дай Боже, упаси Боже (Господи)* и т.п., и они содержат глаголы в форме повелительного наклонения.

Паремии типа пожеланий и проклятий составляют отдельный речевой жанр, ведь у них своя ниша в повседневном общении, причём говорящие не только воспроизводят, но и легко конструируют новые высказывания, актуальные для конкретного случая. Это значит, что указанные разновидности оптатива имеют ярко выраженную специфику как формы, так и содержания. Например: *Дай вам Бог пировать, а нам крохи подбирать*; *Дай Бог и кошке своё лукошко*; *Дай Боже нашему теляти волка поймати*; *Дай Бог ему быть полковником, только не в нашем полку*; *Не дай Бог с дураком связаться*.

Другая группа пожеланий – высказывания с глаголами повелительного наклонения: *Будь здоров, как вода, богат, как земля, красив, как весна*; *Расти большой, не будь лапшой*. Нетрудно заметить полное отсутствие императивной семантики, ведь в универсальном высказывании, каковыми и являются паремии, императивная категориальная ситуация не предвидится.

Исследование феномена паремийного императива позволяет сформулировать некоторые выводы. Во-первых, императивная модальность может быть присуща не только высказываниям с глаголами повелительного наклонения, равно как неволевого модальности могут получать паремии, которые содержат член императивной парадигмы. Во-вторых, чем шире семантический потенциал паремии, тем легче происходит транспозиция её первичного модального значения. В-третьих, направления транспозиции паремийного императива значительно отличаются от аналогичного явления в литературном языке. Если в кодифицированной речи повелительное наклонение транспонируется в сферы значений индикатива и конъюнктива, то в паремиях императив транспонируется в зону индикатива, дебитива и оптатива.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко – Л. : Наука, 1971. – 116 с.
2. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова – М. : Наука, 1973. – 351 с.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова – М. : Наука, 1986. – 205 с.
4. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. : Высш. школа, 1990. – С. 55–131.
5. Храковский В. С. Семантика и типология императива / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 271 с.

УДК 81'25 (161.1 – 161.2)

РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКІ ВІДПОВІДНИКИ В ЮРИДИЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Руколянська Н.В., викладач

Запорізький юридичний інститут ДДУВС

У статті проаналізовано юридичні терміни-відповідники в російській та українській мовах, запропоновано методика визначення найточнішого варіанта перекладу юридичного терміна.

Ключові слова: юридична термінологія, термінологічний знак, базові терміни, юридичні терміни-відповідники.

Руколянская Н.В. РУССКО-УКРАИНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ / Запорожский юридический институт ДГУВД, Украина

В статье проанализированы юридические термины-соответствия в русском и украинском языках, предложена методика определения наиболее точного варианта перевода юридического термина.

Ключевые слова: юридическая терминология, терминологический знак, базовые термины, юридические термины-соответствия.

Rukolianska N.V. THE RUSSIAN-UKRAINIAN CORRESPONDENCES IN THE LEGAL TERMINOLOGY / Zaporizhzhya Law Institute of Dnipropetrovsk State University of the Internal Affairs, Ukraine

Legal term-correspondences in Russian and Ukrainian languages are analysed in the article. The technique of definition of the most exact translation of the legal term is offered.

Key words: legal terminology, terminological sign, basic terms, legal term-correspondences.

Кінець ХХ – початок ХХІ ст. у зв'язку з набуттям Україною державності і затвердженням 10 статтею Конституції України (1996р.) державного статусу української мови означилися активним розвитком та дослідженням термінологій різних галузей знань, а, отже, й української юридичної. Це сприяло виданню юридичних словників різного типу, у тому числі й перекладних, дво- та багатомовних. Разом із тим значна кількість українських юридичних термінів і досі лишається лексичними кальками з російської мови, хоча існують питомі терміни на позначення відповідних понять юриспруденції.

Актуалізують зазначену проблему й практичні потреби фахівців юридичної галузі: слідчих, дізнавачів, оперативних працівників та ін. Не менш важливим є і той факт, що неточний український відповідник до російського юридичного терміна, і як наслідок хибне розуміння, тлумачення й застосування законодавчих норм, може бути доленосним для людини. Термінологічні одиниці як словесні знаки [8] мають точно називати юридичні поняття, що функціонують у цій терміносистемі, тобто „юридичний тезаурус має бути побудований за математичною суворістю, щоб забезпечити якість юридичного правила (цілісність, упорядкованість, точність, ясність)” [9, с. 221]. У зв'язку з цим не втрачають актуальності проблеми перекладу термінології зазначеної галузі.

Українська юридична термінологія є об'єктом наукових досліджень і юристів, і мовознавців. Як зазначається дослідниками [1], увага до юридичної термінології є ознакою рівня розвитку правової держави, нації, її свідомості (а точніше – правосвідомості), а відтак, виявом духовної культури нації. Різні аспекти української юридичної термінології, у тому числі й складні проблеми перекладу, стали предметом наукових досліджень Н. Артикуци, Ю. Зайцева, Г. Онуфрієнко, Ю. Прадіда, О. Сербенської,